

«СЕВЕРНЫЙ ОГОНЕК»

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

НОВЫЕ ИМЕНА:

Дмитрий СЕРГЕЕВ

ПОСЛЕДНИЙ ПАТРОН

Деревянный вокзал.
Опустевший перрон.
А на рельсах стоял
обгоревший вагон.
Нам сказал политрук —
был решителен он —
Для себя должен
каждый оставить
патрон.
Договаривший вокзал.
Стая черных ворон.
Я в обойму вложил
свой последний патрон.
Почему во весь рост,
отчего не стрелял —
Был противник не прост
— он наверное знал.
Он смеялся в лицо
и не думал стрелять,
Вел себя храбрецом —
разве трудно понять?
...Пара черных крестов
и плетёный погон.
Не сберег для себя я
последний патрон.

ЖИВОПИСЬ

Палитра красок
непроста,
И, как смычком
по струнам скрипки,
Выводишь мягкой
кистью гибкой
На свет мелодию
холста.
И боль, и радость,
и печаль
В мазках находят
вплоть, и
Сквозь будней серую
вуаль
Вдруг проникает
вдохновенье.

Леонид СИДОРОВ

НОЧНОЙ ДЕСАНТ

Прыжок...
И небо в куполах,
Разбиты в прах и
страхи,
и сомненья,
Осталось лишь
земное
притяженье
В солдатских
Необузданных
Сердцах.
Еще — восторг
Стремительный, как
крик,
Прозренья миг разлился
по крови.
И каждый был так
для себя велик,
Как радость
неожиданной любви.
Росла земля...
Лизала губы сушь,
Пространство
обывалось
между нами,
И жизнь
Срывала кольца
с душ
И украшала землю
куполами!
***
Мы с тобой
В снежной вьюге
расстались...
Вспоминаю:
Навстречу бегу.
Мы так долго
любимыми звались,
Что опомниться
не могу!..
Извини,
Если где-то при
встрече,
Опадая
В очей синеву,
Я другого с тобой
не замечу,
И любимой
Тебя назову,

На полотне то свет,
то тьма,
То шум дождя,
то рокот моря.
Душа, парящая
в просторе,
Непостижима для ума.
И на словах
не рассказать
Звучанье света,
форм и линий,
...Шуршанье листьев,
шумы ливней,
Как музыку,
не рассказать.

БЕГОВОЙ ЛОШАДИ

Ну вот и все, еще
рывок и финиш,
И за чертой заветной
ты стоишь.
Копытами ты землю
разрывала,
Толпа вокруг свистела
и орала,
Собравшись здесь на
громкий зов афиш.
Вздохмачена
подстриженная грива,
Жокей твой,
получивший первый
приз,
Тебя похлопал весело,
игриво,
В глазах твоих плывет
все сверху вниз.
Торопит кто-то время
перед стартом.
Мы люди, все куда-
нибудь спешим.
Но что тебе до чих-
нибудь азартов?
Ведь это мы местами
дорожим,
Вот снова старт. Все
стихло в ожиданьи.

Николай СОЧИХИН

И что, и как бы ни
судили,
Я вижу смысл
непростой
В том, что родился я
в Сибири
Под кровной русской
звездой.
Пускай в пути прямом
и строгом
Я прям и строг был
не всегда,
Но в час сомнения
о многом
Напоминала мне
звезда.
Порой я лез, не зная
брёда.
Порой я с музами
дружил,
Лишь захребетником
народа
Жить не хотел я и
не жил.
И мне не нужно
лучшей доли,
Я тем и рад моей
судьбе,
Что был я русским
в русском поле,
Где русская звезда
в гербе.
***
Я хотел бы
сменяться
местами —
Говорю безо всяких
приказ —
Но не с теми, что будут
за нами —
Только с теми, что были
до нас.
Я согласен лежать
убитым
За какой бы ни есть
стороной,
С пульей в сердце
в бою открытом,
...А не сзади бутылкой
пивной.
Только, кто же из них
согласится
Променять золотой
на пятак,
Жаль, что я опоздал
родиться:

Перед тобой нелегкий
путь лежит.
Вот твой жокей
в привычном одеянии.
...Ты сбрось его —
пускай он сам бежит.

Роман ДУБЫК

НАШИ

СЕВЕРНЫЕ ДОМА

Мы вставляем в проемы
окна,
Дарим новым домам
глаза.
Отражаются в стеклах
сосны
И небесная бирюза.
Пусть глядят широко,
открыто
Они в северной стороне,
Где в земных кладовых
зарыто
Столько нужного всей
стране.
Там, вдали, — буровые
вышки,
Там, домашний забыв
уют,
Зная Север
не понаслышке,
Люди Родине нефть
дают.
Днем и ночью идет
работа,
Днем и ночью она
нужна.
Разный труд, но одна
забота,
И одна — по труду —
цена.
Пусть нас осень
дождями встретит,
Пусть лютует порой
зима,
Знаем: здесь, как нигде
на свете,
Людам наши нужны
дома.

Я бы мог в том бою
пригодиться.
Неужели помру ни за
так?

Одинокий фонарь —
одуванчик
Отрешенно горит за
углом...
Что ж опять, замирая
как мальчик,
Я стою под твоим
окном.
Мне б зайти к тебе
в гости, что ли,
Как когда-то ходил на
чай,
Да боюсь, что сердце
уколет
Дружба старая
невзначай.

Вячеслав ШЛЯХОВ

МГНОВЕНЬЯ

У ОБЕЛИСКА

Я подхожу к подножью
обелиска.
Здесь тишина,
как строгий
часовой,
И каждый звук —
по сердцу,
Словно выстрел,
оттуда,
из войны,
с передовой.

ВЗЛЕТ

От напряженья
вздрагивает лайнер.
Незримо
тень разлуки
пролегла.
В оцепененьи
мир как будто
замер
И с ревом
оторвался
от крыла.
***
...А когда уже
ручьи зазвенели,
Да еще наш сын пришел,
мокрый по уши,
Вот тогда уж я подумал,
опомнившись:

5

Наконец я принял, о
чем говорил мне наш
переводчик.
Товарищ старший
лейтенант, восстали че-
хи. Они обложили штаб
танками. А эти люди, —
он указал на Фрица и
Динкеля, — спасли нас.
Вас приглашает к себе
полковник.
Я осмотрелся вокруг.
Рядом лежали убитый
Крюгге, еще несколько
офицеров в черной фор-
ме.

Товарищ старший
лейтенант, я уже гово-
рил, что они сдадутся, —
прокричал Иван. Я по-
смотрел на него и не уз-
нал бравого разведчика:
голова была седая.
Очистив гимнастерки,
брюки, сапоги, обмыв
лицо, мы с Гансом на-
правились велел за майо-
ром Отто Динкелем.

Шмитке коротко ска-
зал мне: «Я приказал
сдать оружие и постро-
ить полк походной ко-
лонной. Командуйте.
Ваши условия приняты».
Затем расстегнул кобу-
ру и выложил первым
свой пистолет на стол.
Когда мы вышли на
веранду особняка, уви-
дели, что во дворе соб-
рался почти весь личный
состав части. Все смот-
рели на нас и ждали.

Ганс сказал: «Надо
же что-то сказать сол-
датам».

Но я не знаю хоро-
шо немецкого, а чеш-
ского и вовсе.

Ничего, — сказал
Ганс, — я помогу.

Солдаты, — сму-
тившись, начал я. —
Война для вас оконче-
на.

На этом моя речь за-
вершилась. Началась
сдача оружия. Около
Ивана все время кру-
жили чехи, хлопали его
по плечу, о чем-то раз-
говаривали, как зака-
дычные друзья. Я подо-
звал его и приказал:
«Остаешься здесь, по-
ка сюда не подойдут на
помощь наши».

Слушаю, това-
рищ старший лейтенант,
— весело произнес тот.
— Теперь не страшно.
Вон сколько у меня
друзей.

Миновал еще час, по-
ка минеры разминиро-
вали проходы на доро-
ге, по которой нам пред-
стояло идти. Вот так
все завершилось.

Первым, кого я уви-
дел в Нимане, был Иван

Семенчук — дежурный

по штабу.
— Молодцы! — гово-
рил он, пожимая руку.
— А мы все не могли
понять, куда вы делись.
Но когда узнали, что
«Щуки» нет, подумали
— не иначе, за прови-
антом мотнули. Сколько
их? — показал Иван на
колонну пленных.
— 783 человека. Из
них 311 чехов. Сто че-
хов и Ивана Горюнова

еще, еще... Потом брат

уснул.
А я накиннул шинель
и вышел во двор, при-
сел на какую-то скамью.
Под впечатлением пере-
житого перед моими
глазами пронеслось то
одно видение, то дру-
гое. Увидел злорадную
улыбку Хернера, изде-
вательское высокомерие
Крюгге, улыбку Фрица
Шумахера. Потом пред-
ставилась горная доро-

ЛУННАЯ ДОРОГА

РАССКАЗ — А. БОБРОВ.

оставил там. Ведь за
нами дивизия СС «Мер-
твая голова». Дорога
одна. Танки развернули
в их сторону. Надо сроч-
но доложить обо всем
комполка.
Полковник Раскошный
встретил нас хмуро.
Отругав, сказал, что
все пойдем под арест за
самовольство.

Ну, а за то, что
немцев пленили, выра-
жаю благодарность.

Служим Советско-
му Союзу! — дружно
ответили мы.

В ту ночь уснуть не
мог. К тому же не да-
вал покоя Евгений,
брат.

Вот напишу отцу,
задаст тебе. Нужно же
додуматься до такого
— идти на верную
смерть. Хотя бы меня в
известность поставил.

Он долго еще говорил
о том, что больше ни од-
ного дня со мной в пол-
ку не останется и что-то
дня.

ОБ АВТОРЕ. В сегодняшнем номере мы закончили публикацию рассказа «Лунная дорога». Автора его, Анатолия Ильича Боброва, хорошо знают и помнят многие сургутяне. Он не один год работал в нашем городе: в тресте Сургуттрубопроводстрой, в отделе рабочего снабжения нефтяников, в Донецкой области.

С первых дней Великой Отечественной войны Анатолий Ильич на фронте. У Гомеля и Бобруйска в звании младшего лейтенанта принял он боевое крещение. А дальше фронтная судьба провела его через сражения под Москвой и Ростовом, он участвовал в боевых операциях по освобождению Украины, Белоруссии, Польши, Чехословакии. Дважды был ранен. Командовал взводом, был начальником боепитания дивизиона, войну закончил начальником артиллерийского парка полка.

Двумя орденами Красной Звезды, двумя орденami Отечественной войны, двенадцатью медалями отмечена воинская биография ветерана.

Рассказ, написанный им и представленный сургутским читателям, с полным основанием можно отнести к категории невиданных историй. Хотя и получил в свое время старший лейтенант Бобров строгое взыскание за необдуманный и рискованный поступок, позже командование наградило его за вывод из боевых действий крупной неприятельской части орденом Красной Звезды.

Как же мы с тобой
весну проглядели?!
***
Полусонная дверь
скрипнет ржавой
петлей...
Заскребет по стеклу
коготочками ветка...
Зимний прах поднимая
над стылой землей,

рыщут в голых деревьях
матерые ветры.
...Я приметил давно:
накануне весны,
как бездомный,
февраль
обивает пороги...
Но всему свой черед.
Вот уж чуть видны
опостылевших вьюг

языки на дороге.
Перелетное время
у птиц и ветров...
И меня
потянуло на дальние
зори,
на тревожные блики
забытых костров,
затерявшихся где-то
в метельном просторе...

ГДЕ СТОЛБЫ ГОЛУБОГО СНИЯ

Евгений БУТИН

Непривычно Большая
Медведица
Опрокинулась над
головой...
Значит, вот где
случилось нам
встретиться,
Вот где жить предстоит
нам с тобой.
Где столбы голубого
сняния
Красят снег в
переменчивый цвет,
Где у ветра — бродяги

полярного —
Ни стыда ни совести
нет.
Где мороз не на шутку
кусаётся,
Заставляя укутать
лицо...
И тебя, в запорошенной
малине,
Выбегаю встречать
на крыльцо.
Где апрель,
разгулявшись метелями,
С головой заметает

кусты...
И хоть плачь, хоть
ругайся — неделями
По урманам
скитаешься ты.
Лишь следы остаются
неверные
На тугом затвердевшем
снегу.
Ты иначе не можешь,
наверное.
Ну, а я без тебя
не могу!